

Аграрные исследования Новосибирской экономико- социологической школы: традиции и новации

З.И. КАЛУГИНА, доктор социологических наук, Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: zima@ieie.nsc.ru

В статье рассматривается опыт Новосибирской экономико-социологической школы в исследовании трансформационных процессов в аграрном секторе России. Освещены основные направления социологического мониторинга аграрных реформ и их социально-экономических последствий, представлены результаты исследований новых социальных феноменов и процессов на селе, бюджетов времени сельского населения, а также социально-экономических экспериментов.

Ключевые слова: социологический мониторинг, аграрная реформа, трансформационные процессы, социальный механизм

Конец 1980-х – начало 1990-х годов был переломным моментом в жизни не только всего российского общества, но и коллектива Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ)¹, который возглавляла академик Т.И. Заславская. В 1988 г. по приглашению М.С. Горбачева она переехала в Москву, чтобы организовать первый в стране центр по изучению общественного мнения. Коллектив НЭСШ, лишившийся пассионарного лидера, начал самостоятельное плавание в бушующем море общественных перемен. Уезжая, лидер школы оставила в наследство бесценный дар – методологию системного изучения деревни, теорию социальных механизмов трансформационных

---

¹ История, логика и этапы развития школы подробно представлены в трудах Т.И. Заславской, в коллективных монографиях НЭСШ и других изданиях, посвященных истории развития отечественной социологии: Заславская Т.И. Избранные произведения. Том 1. Социальная экономика и экономическая социология. – М.: Экономика, 2007. – . 533-656; Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – .15-146; Бессонова О.Э., Шабанова М.А. Новосибирская экономико-социологическая школа // Социологические исследования. – 2000. – № 8. – С. 79-88; Калугина З.И. Новосибирская экономико-социологическая школа на переломе эпох: ответы на вызовы времени // Регион: экономика и социология. – 2008. – №2. – С. 68-85.

процессов, а также богатый опыт непосредственного наблюдения социальной реальности во время многочисленных социологических экспедиций в сельские районы Новосибирской области, Алтайского края и другие регионы страны. На этой базе и были развернуты исследования трансформационных процессов аграрного сектора России.

Вначале под руководством д.э.н. Ф.М. Бородкина, ставшего заведующим отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, были разработаны «Предложения к научно-социологическому сопровождению программы перехода России к рыночной экономике».

Эта работа выполнялась по заказу Правительства России и была своеобразным социологическим и отчасти политологическим обеспечением программы «500 дней». Работа была завершена в октябре 1991 г. и представлена в Правительство и Верховный Совет России, а позднее издана в виде препринта².

Главным в социологическом сопровождении рыночных реформ было – своевременно обнаружить, диагностировать и прогнозировать динамику возникающих в обществе социальных напряжений, а также сформулировать предложения по разрешению или смягчению выявленных проблем. Достижение этой цели было возможно двумя путями. Первый – это привычные конкретные социологические исследования, а второй – нетрадиционный (на тот период времени) путь был связан с организацией социологического мониторинга, основные задачи которого заключались в следующем:

- отслеживание изменения социальной ситуации в регионах, поселениях и социальных группах;
- прогнозирование вероятных социальных проблем и точек напряженности;
- рекомендации по разрешению выявленных проблем и снижению социальной напряженности, а также по изменению государственной социальной политики;
- экспертиза проектов законодательных актов и иных решений, оценка последствий их реализации.

---

² Предложения к научно-социологическому сопровождению программы перехода России к рыночной экономике. – Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1991.

Идея регионального социологического мониторинга экономических реформ, возникшая на волне радикальных общественных перемен, была изложена Ф.М. Бородкиным в г. Москве на I Съезде социологов России в январе 1991 г., рекомендована для практического использования и быстро распространилась в социологической среде.

Социологический мониторинг
как инструмент изучения трансформационных
процессов в российской деревне

Одним из направлений регионального социологического мониторинга был мониторинг хода аграрной реформы³, в котором результирующими служили как экономические показатели (объем производства основных продуктов питания, динамика цен, уровень и структура потребления и т.п.), так и социальные индикаторы (изменение социально-экономического положения и социального самочувствия населения и др.). Информационная база формировалась в ходе регулярных социологических экспедиций в сельские районы Сибири и другие регионы страны.

Остановимся подробнее на узловых направлениях мониторинга.

Первое – необходимо было понять, как сельское население восприняло радикальные реформы, что одобрялось и принималось большинством, а что категорически было неприемлемым с их точки зрения, с какими последствиями сельские жители могли смириться, а с какими – категорически были не согласны. Присутствуя на сельских сходах и собраниях тех лет, мы были живыми свидетелями слома социалистических производственных отношений и перехода к новым непривычным для колхозников и рабочих совхозов «закрытым и открытым акционерным обществам», «товариществам всех мастей», «кооперативам», «фермерским хозяйствам». Сельские жители буквально тонули в море новых понятий: «акции», «акционеры», «дивиденды», «уставный капитал», «маржа» и т.д. и т.п. Представители местного руководства сами толком еще не могли разобраться в сути многочисленных форм собственности, в навязываемых

---

³ Региональный социологический мониторинг экономических реформ // Регион: экономика и социология, 1992. – Вып. 3. – С. 14-47.

сверху организационно-правовых формах сельскохозяйственного производства и труда. Реформирование аграрного сектора проводилось по традиционной советской «технологии», характерными чертами которой были директивность, тотальность, форсированность и формальность преобразований.

Перед социологами-аграриями стояла трудная задача: ответить на вопрос: а есть ли **социальная база для проведения рыночных аграрных реформ?** С этой целью коллективом НЭСШ в регионах Сибири был проведен анализ состояния общественного сознания, уровня информированности и понимания сути происходящих перемен разными социальными группами, их готовности жить и работать в новых условиях. Исследование показало, что интересы разных социальных групп в аграрной реформе не совпадали, а потому их отношение к стратегическому курсу реформ, ценностям рыночной экономики, оценка последствий проводимых преобразований были неоднозначны. Было выявлено противоречие между коллективистским духом значительной части аграрного населения и индивидуальными ценностями, декларируемыми новой экономической политикой. Формальное изменение статуса хозяйствующих субъектов АПК не приводило автоматически к радикальному изменению экономического мышления и формированию рыночных моделей экономического поведения сельского населения. Существующие дефекты действующего хозяйственного механизма, тормозя процесс формирования новых субъектов хозяйствования, сдерживали процесс модернизации аграрного сектора⁴.

В этом исследовании был задействован практически весь основной состав НЭСШ. Итоги были опубликованы в научных трудах школы⁵.

---

⁴ Информационной базой послужили данные социологического опроса сельского населения Курьинского района Алтайского края (N=736) (рук. д.с.н. З.И. Калугина, к.с.н. Е.Е. Горяченко), а также данные почтового опроса руководителей и специалистов сельского хозяйства Новосибирской области (N=566), проведенных в 1994–1995 гг. д.с.н. З.И.Калугиной и к.с.н. И.Н. Мартыновой.

⁵ Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / Под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1996; Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999.

Вторым крупным направлением мониторинга можно считать **исследование адаптационных стратегий сельскохозяйственных предприятий и семей** с использованием методологии case-study в двух сельских районах Новосибирской области летом 1998 г. Для выявления альтернативных моделей адаптации в качестве объектов исследования экспертами были отобраны четыре предприятия, различающиеся по уровню социально-экономического развития. Основные методы получения информации – анкетный опрос работников (N=404), неформализованные и фокусированные интервью с руководителями и специалистами (N=60), анализ документов и статистических данных за 1992–1998 гг.

Было выделено четыре типа (модели) хозяйственных стратегий, адекватных им форм адаптации сельскохозяйственных предприятий и доминирующих семейных стратегий: *активная рыночная стратегия* – конструктивная инновационная адаптация предприятия; традиционная хозяйственная – компенсационная адаптация предприятия; *мимикрическая хозяйственная стратегия* – депривационная адаптация предприятия; *пассивно-выжидательная хозяйственная стратегия* – деструктивная разрушительная адаптация (дезадаптация) предприятия.

Исследование хозяйственных стратегий предприятий позволило сделать следующие выводы.

- После реорганизации экономическое положение почти всех сельскохозяйственных предприятий ухудшилось.
- Стартовый уровень не всегда был решающим фактором успешности адаптации к новым условиям и современного экономического положения предприятий.
- Несмотря на сходство внешних условий, сельскохозяйственные предприятия демонстрировали принципиально различные модели экономических стратегий и способов адаптации к новой социально-экономической реальности.
- Выбор и результативность адаптационных стратегий во многом определялись личностью руководителя предприятия. Со сменой руководства многие работники связывали перспективы своих предприятий.
- Наиболее успешными способами выживания предприятий в тех сложных социально-экономических условиях были ди-

версификация производства, активная инновационная политика, развитие мелких перерабатывающих производств⁶.

В этот период времени без преувеличения можно сказать, что весь мир следил за тем, что же происходит на постсоветском российском пространстве? Многие научные центры в разных концах земного шара – в Японии и Германии, Италии и Израиле, в Великобритании и США – пытались постичь исторические перемены в России⁷. Результаты проводимых исследований были широко востребованы научной общественностью. Зарубежных ученых, пристально следивших за трансформационными процессами в аграрном секторе России, поражало то, что не все коллективные хозяйства рухнули, и что во главе успешных реорганизованных хозяйств нередко стояли так называемые «красные директора». Молодые же реформаторы, одобряя новое мирохозяйственное устройство на идейном уровне, на практике не всегда могли сориентироваться в стихии рынка.

Удивление вызывало также то, что предоставленной свободой в аграрной сфере воспользовались далеко не все сельские жители. Им дают землю для самостоятельного хозяйствования, а они отказываются. Ох уж эта загадочная русская душа! Многократно обманутое государством российское крестьянство не откликнулось на попытки активизировать частную инициативу сверху массовым исходом из «коллективного агроулага». Практика показала, что выбранная крестьянами стратегия оказалась вполне оправданной и прозорливой. Государство в тот период не смогло гарантировать права частной собственности, не проводило внятной и последовательной политики в отношении частного сектора экономики и не смогло обеспечить соблюдение контрактных обязательств всеми участниками рынка.

---

⁶ Основные результаты исследования изложены в кн.: Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. 2-е изд. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001.

⁷ Transformation and Diversification of Rural Societies in Eastern Europe and Russia / Edited by Ieda Osamu/ Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University, 2002; Rural Reform in Post-Soviet Russia. Edited by David J.O'Brien and Stephen K.Wegren. Woodrow Wilson Center Press. Washington, D.C. The Johns Hopkins University Press Baltimor and London, 2002; Explaining Post-Soviet Patchworks. Volume 1. Actors and Sectors in Russia between accommodation and resistance to Globalization. Edited by Klaus Segbers Free University, Berlin. Ashgate, Aldershot.Burlington USA. Singapore.Sydney, 2001; Russian Views of the Transition in Rural Sector. Structures, Policy Outcomes, and Adaptive Responses. Edit. L. Alexander Norsworthy. The World Bank. Washington, DC, 2000 etc.

Мониторинг хода аграрной реформы продолжался коллективом НЭСШ и в последующие 2000-е годы.

Исследование новых социальных феноменов и процессов

Одно из первых исследований в этом направлении было посвящено формированию *фермерского сектора аграрной экономики*⁸. Накопленный опыт исследования села под руководством академика Т.И. Заславской позволил автору этих строк на входе реформ очертить социальные границы развития фермерских хозяйств в России.

В качестве необходимых условий развития фермерских хозяйств рассматривались наличие соответствующей социальной базы; адекватное этой форме хозяйствования материально-техническое снабжение и производственное обслуживание; нормативно-правовое обеспечение этой формы хозяйствования, социальные гарантии и правовая защита фермеров. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что передел земли и сплошная деколлективизация – мера преждевременная. Состояние общественного сознания на селе, доминирующий тип сельского работника и их ориентации могли послужить базой лишь для развития многоукладности в аграрном секторе. Необходимо было создавать условия для возникновения и развития самостоятельных фермерских хозяйств, кооперативов, ассоциаций и других форм хозяйствования, не навязывая их сверху, а предоставляя свободу выбора самим трудовым коллективам.

Узость социальной базы фермерства, отсутствие промышленного потенциала, способного в короткий срок обеспечить выпуск специализированной сельскохозяйственной техники в значительных масштабах, длительность становления рыночных отношений, а также социально-демографическая ситуация в селе стали, как показало время, сдерживающими факторами

---

⁸ Калугина З.И. Социальные границы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Регион: экономика и социология. – 1991. – С. 35-42; Калугина З.И., Мартынова И.Н., Хворостинин О.В. Фермерство в Сибири // ЭКО. – 1993. – № 6. – С. 65-80. Калугина З.И. Private Farming in Russia: a Thorny Path to Revival // Farming and Rural Systems Research and Extension. Local Identities and Globalisation. IFSA European Group, Florence, Italy, 2002: 148-157; Смирнов В.Д. Фермерство в России – что это такое? – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. – 95 с.

для повсеместного распространения фермерских хозяйств и превращения их в господствующую форму сельскохозяйственного производства. С уверенностью можно было говорить о формировании одного из секторов сельскохозяйственного производства, который мог бы функционировать на равных правах с колхозами и совхозами и снизить негативное влияние их монопольного положения.

По прошествии 20 лет можно сказать, что основная часть выводов относительно развития фермерского сектора аграрной экономики, сделанных автором в начале реформ, оказались верными.

В более широком контексте были исследованы *институциональные основы и социальные практики сельского предпринимательства* в ходе реализации международного коллективного проекта, поддержанного Фондом INTAS. Исследование было проведено в Башкирии, Закарпатье и в Новосибирской области, в которой было опрошено 300 респондентов, не занимающихся предпринимательской деятельностью, и 100 человек, имеющих свое дело, из них 43 фермера и 57 предпринимателей, занятых несельскохозяйственным бизнесом⁹.

Общий вывод заключался в том, что в условиях транзаций и кризисного состояния экономики преобладающей была вынужденная мотивация предпринимательской деятельности. Значительное число сельских предпринимателей вовлекалось в систему неправовых социальных взаимодействий, а неправовые практики становились одной из распространенных форм реактивно-адаптивного поведения предпринимателей.

Одной из форм сельского предпринимательства является *сельский фриланс*, представляющий собой вид неформального труда по предоставлению услуг частным лицам по договоренности сторон. Потенциал сельского фриланса во многом связан со стремлением сельского населения к тому, чтобы жить лучше и использовать любые возможности для применения частной инициативы. В связи с этим особые преимущества имеют те регионы или локальные территории, где сохранился «культ семейного достатка» и потребность в подражании (копировании)

---

⁹ Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, Э.И. Калугина. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 193-222.

образу жизни наиболее трудолюбивых и зажиточных членов сельских сообществ. Экономическая и социальная деградация отдельных территорий могут уничтожить остатки этого культа и заставить большинство селян смириться с «недостойными» условиями жизни. Социальную базу сельского фриланса образует длительно неработающее трудоспособное население.

В рамках исследования *инновационных процессов в аграрном секторе* были разработаны концептуальные представления о социальном механизме возникновения экономических и социальных конфликтов между разными группами сельхозпроизводителей, сельскими жителями и представителями властных структур по поводу распределения и использования ограниченных ресурсов. Были выявлены формальные и неформальные способы их преодоления; а также основные мотивы солидарного поведения и поиска компромиссов между конкурирующими друг с другом ключевыми субъектами агропродовольственного рынка; выделены жизнеспособные модели социального партнерства между государством, бизнесом и населением для решения экономических и социальных задач сельских поселений, способы стимулирования (на уровне муниципалитетов) инициатив бизнеса по участию в развитии социальной сферы и человеческого капитала на селе.

Сделан вывод о том, что даже отдельные технико-технологические изменения становятся мощным стимулом для изменения моделей хозяйствования на земле, повлекли за собой организационно-структурные преобразования, реформацию трудовых и земельных отношений. Стало очевидным, что для внедрения инноваций требуются специальные механизмы государственной поддержки в виде особых режимов кредитования и инвестиций, льготных адресных программ, способных защитить и стабилизировать внутренние продовольственные рынки, обеспечить условия для окупаемости инвестиционных проектов.

Были изучены реальные практики взаимодействий хозяйствующих субъектов в аграрном секторе, результатом которых стала селекция сельских товаропроизводителей, высветившая ориентацию крупных игроков агропродовольственного рынка на инновационное развитие, проявляющуюся как в использовании апробированных отечественных и зарубежных технологий, так и в их участии в создании новых знаний.

Существенный тормоз инновационного развития в аграрном секторе – низкое качество имеющегося человеческого потенциала, а также трудности привлечения на село квалифицированной рабочей силы извне. Представители сельского бизнеса берут на себя ряд добровольных обязательств, связанных с формированием новой модели трудовых отношений и вложением ресурсов в развитие человеческого потенциала своих работников. Несмотря на развитие рыночных отношений на селе, ощущается сильное влияние административного ресурса, которое проявляется как в объемах и адресности выделяемых средств и преференций, так и в конкретных административных решениях.

Второе десятилетие с начала проведения аграрных реформ поставило перед коллективом новые исследовательские задачи, связанные с изучением **социально-экономических последствий проводимых реформ**¹⁰. Исследовательский проект «Брошенные деревни в пореформенной России: механизмы возникновения и пути преодоления депривации сельских сообществ» был направлен на изучение сельской повседневности и жизненных стратегий сельских сообществ брошенных деревень. Особое внимание уделялось самоорганизации сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий.

В поисках новой парадигмы сельского развития

Переход страны к рынку, резкое ослабление роли государства в решении социально-экономических задач обусловили необходимость поиска и нахождения новых источников сельского развития, а соответственно, и смены традиционной парадигмы. Новая парадигма предполагает, на наш взгляд, смену ориентиров: переход от государственного патернализма к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения¹¹.

---

¹⁰ Результаты данного направления исследований обобщены в кн: Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009 и в многочисленных статьях авторов в отечественных и зарубежных журналах.

¹¹ Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ. – С. 273-299; Калугина З.И., Фадеева О.П. Новая парадигма сельского развития // Мир России. Социология, этнология. – 2009. – Т. XVIII. – №2. – С. 34-49.

Стратегической целью в рамках новой парадигмы является обеспечение качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства и сохранения неурбанистического образа жизни населения.

Достижение стратегической цели сельского развития с опорой на внутренние ресурсы может быть обеспечено с помощью следующих институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов.

□ Диверсификация экономики, предусматривающая разнообразие видов продукции и видов деятельности, включая развитие сельхозпереработки, создание зон рекреации и туризма, размещение на сельских территориях промышленных производств, освоение природных и сырьевых ресурсов, расширение сервисного обслуживания.

□ Развитие и эффективное использование человеческого потенциала на основе расширения высокотехнологичного сегмента экономики, повышения уровня оплаты труда не ниже минимального потребительского бюджета, обеспечения социальной доступности общего и профессионального образования, расширения сфер занятости, создания условий для трудовой и профессиональной мобильности, противодействия безработице.

□ Развитие бизнес-среды и улучшение инвестиционного климата, включающие в себя организационную, правовую и ресурсную поддержку предпринимательства, создание интегрированных производственно-бытовых структур для развития малых форм хозяйствования, а также содействие социальным инициативам бизнеса.

□ Модернизация условий жизнедеятельности населения путем наращивания темпов и масштабов малоэтажного жилищного строительства, развития социальной инфраструктуры в стационарных и мобильных формах, повышения доступности социальных услуг, комфортности условий проживания, развития транспортных коммуникаций и средств связи.

□ Сохранение сельского образа жизни на основе формирования новых стандартов сохранения традиций, культуры

и морально-нравственных основ сельской жизни, укрепления сплоченности и солидарности сельских сообществ, интегрированности села в социально-экономическое пространство страны. Формирование в общественном мнении положительного образа российского крестьянина и сельского уклада жизни.

Эта идея была реализована при разработке Программы социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2015 года, частью которой была целевая программа развития сельских территорий, повышения эффективности сельской экономики и создания условий для сохранения сельского образа жизни (2009 г.).

Исследования бюджетов времени сельского населения

Особое место в аграрных исследованиях НЭСШ занимают не имеющие аналогов в отечественной социологии лонгитюдные бисезонные обследования бюджетов времени и условий жизни сельских жителей, осуществляемые по единой выборочной совокупности (13-15 сел) Новосибирской области. Они выполняются сотрудниками ИЭОПП при участии студентов-социологов Новосибирского госуниверситета под руководством д.ф.н. В.А. Артемова. Бессменными его соратниками на протяжении длительного времени были Н.А. Балыкова, В.В. Шушпанова, к.э.н. Г.П. Гвоздева, к.с.н. О.В. Новохацкая. Обследования были проведены в 1975/1976, 1986/1987, 1993/1994, 1999, 2004/2005 годах. В этом тридцатилетии представлены «точки» исторического времени, относящиеся к существенно различающимся периодам как по экономическим, социальным и политическим характеристикам, так и по реальной деятельности большинства населения, а также по социально-психологической атмосфере.

Исследователями сделан вывод о том, что различия в продолжительности рабочего времени, времени домашнего труда, труда в личном подсобном хозяйстве, ухода за детьми и занятий с ними, удовлетворения физиологических потребностей (в том числе сна), свободного времени (в том числе пассивного отдыха), общей трудовой нагрузки в 1986–2005 гг. были статистически значимыми.

К концу 1990-х и в начале 2000-х годов продолжала сокращаться величина общей трудовой нагрузки, а рост

продолжительности предстоящей жизни после 1998 г. снова сменился падением при повышении ценности здоровья и сохранении в целом негативной оценки изменений условий жизни. В этот период резко снизилась доля тех, кто относил основную работу к сфере проявления своих способностей, особенно у мужчин – с 78% в 1986 г. до 39% в 2005 г. (у женщин – с 65% до 41%) при росте отметивших в качестве такого занятия – «досуг». Вдвое увеличилась доля не читающих газеты, художественную литературу, а посещающих библиотеку, дом культуры стало меньше в 2,5 раза по сравнению с 1986 г. (соответственно 14 и 33%), при 15% посещающих церковь, молебный дом.

Последнее обследование показало некоторое улучшение оценки материального положения сельских жителей после резкого спада в 1990-е годы. Но эти оценки сильно уступают тем, что сельские работники приводили в 1987 г.: «денег хватает на все» – отмечали тогда 10% (в 2005 г. – 1%), «в целом денег хватает» – 42 и 16%, «хватает только на самое необходимое» – 39 и 58%, «денег не хватает даже на самое необходимое» – 8 и 24% соответственно¹².

Уникальные массивы данных по бюджетам времени сельского населения регулярно передаются в Единый архив экономических и социологических данных (ЕАЭСД) Высшей школы экономики и доступны социологическому сообществу страны.

Несомненным вкладом в социологическую науку являются работы В.А. Артемова и его коллег по истории эмпирических исследований использования времени в России, по теории социального времени, изучению сельской повседневности¹³.

---

¹² Артемов В.А. Время сельской повседневности: 1975–2005 гг. // URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208867271.pdf.

¹³ Артемов В.А. Социальное время: Проблемы изучения и использования / Отв. ред. Ф.М. Бородкин. – Новосибирск: Наука, 1987; Артемов В.А., Новохацкая О.В. История исследований использования времени сельского населения в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2012. – Т. 12, вып. 4. – С. 189-196; Артемов В.А., Новохацкая О.В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920-1930-е гг.) // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 92-104.

Социально-экономические эксперименты на селе

Большое влияние на характер и содержание аграрных исследований коллектива НЭСШ оказал выдающийся ученый, самобытный человек и экспериментатор д.э.н. Василий Дмитриевич Смирнов. Неутомимый исследователь, равнодушный к судьбам российской деревни, на протяжении всей своей жизни старался на практике изменить систему аграрных отношений, сделать труд колхозников и работников совхозов более производительным, а сельскохозяйственное производство – рентабельным и эффективным.

Первый его опыт по внедрению хозяйственного подряда и безнарядной системы оплаты труда был осуществлен в конце 1950-х – 1960-х годах в Иркутской, Омской и Новосибирской областях. Его вывод заключался в том, что проблему стимулирования сельскохозяйственных работников можно было решить только при соблюдении трех условий. Во-первых, оплату труда нужно было привязать не только к выходу продукции, но и к уровню затрат на ее производство. Во-вторых, система стимулирования должна охватывать все без исключения отрасли и сферы деятельности в хозяйстве. И, в-третьих, система должна быть выстраданной, т.е. в ее разработке и адаптации к условиям хозяйства должны принимать активное участие не только руководители и специалисты, но и рядовые работники. По сути, речь шла о целостной системе новых внутрихозяйственных отношений, внедряемой не сверху, а снизу.

Реализовать эти условия удалось при организации эксперимента в 1981 г. в колхозе «Путь к коммунизму» (с. Лосиха Косихинского района Алтайского края). Предпринимались попытки распространить новую систему и на другие предприятия региона. Однако социалистическая система неумолимо отторгала не свойственные ей формы организации производства и труда.

В начале 1992 г. в сельском хозяйстве произошли радикальные экономические реформы. Но и в новых, коренным образом изменившихся условиях поиски более эффективных форм хозяйствования на селе не прекращались. С энтузиазмом и неподдельным интересом В.Д. Смирнов исследовал, консультировал, реконструировал новые формы хозяйствования: ООО, ЗАО, ТОО, кооперативы, фермерские хозяйства и другие сельскохозяйственные образования по всем регионам Сибири.

Василий Дмитриевич Смирнов оставил нам в наследство свои труды о развитии фермерских хозяйств, по бухгалтерскому учету, налогообложению сельскохозяйственных предприятий и др.¹⁴

Новейшие исследования школы связаны с анализом процессов разрушения старых и становления новых хозяйственных практик и соответствующих им устойчивых форм организации сельской жизни. Сделан вывод о том, что доминирование одного уклада – будь то корпоративно-патерналистский или же корпоративно-предпринимательский – одинаково губительно с точки зрения устойчивого сельского развития.

На основе этих исследований разработана **социологическая концепция сельских хозяйственных укладов**, которые определяются как устойчивые совокупности хозяйственных практик, характеризующихся доминирующими целями, организационными формами, действующими правилами распределения базовых ресурсов и способами взаимодействия с сельскими сообществами (к.с.н. О.П. Фадеева). Анализ становления и развития многоукладных хозяйственных систем в разных регионах России позволил сделать вывод о том, что **многообразие реальных практик и механизмов согласования интересов субъектов хозяйствования, относящихся к разным укладам**, способствует формированию и укоренению институтов самоорганизации и самоуправления в сельских сообществах. Практическая значимость полученных результатов определяется научным обоснованием принципов **дифференцированного подхода к формированию социально-экономической политики на региональном и местном уровнях управления, ориентированного на сбалансированное развитие сельских хозяйственных укладов.**

---

¹⁴ Смирнов В.Д. Основы бухгалтерского учета: учеб. пособие. – Новосибирск: Светлица, 2012; Смирнов В.Д. Об устройстве экономической жизни общества / ИЭОПП СО РАН. – 3-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск, 2011; Смирнов В.Д. Сельское хозяйство России. Его особенности: учеб. пособие. – Новосибирск: АРТА, 2013; Смирнов В.Д. Фермерство в России – что это такое / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП, 2003; Смирнов В.Д. Особенности сельского хозяйства России // ЭКО. – 2013. – № 5. – С. 23-28.

* * *

В настоящее время исследования аграрных проблем в отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН продолжают, интерес к ним не угасает, актуальность их очевидна. Но эти исследования были бы невозможны без финансовой и моральной поддержки отечественных и зарубежных научных фондов. Пользуясь случаем, от имени всего исследовательского коллектива хотелось бы выразить глубокую признательность и благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, Российскому фонду фундаментальных исследований, Фонду INTAS, Фонду Джона и Кэтрин Макартуров, Независимому институту социальной политики, Президиуму СО РАН за их внимание и высокую оценку наших изысканий. Неутомимыми исследователями российской сельскости в отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН остаются к.с.н. О.П. Фадеева, Н.С. Кошелев, С.В. Братюшенко и автор этих строк.

В заключение отмечу, что после отъезда Т.И. Заславской в Москву ее взаимодействия с коллективом НЭСШ не прекращались. В каждый свой приезд в Новосибирск Татьяна Ивановна с неизменным интересом встречалась с коллективом в формальной и неформальной обстановке, живо обсуждая успехи и неудачи своих учеников и последователей. Ее участие в жизни коллектива НЭСШ не ограничивалось только этими встречами. Она принимала активное участие в подготовке и издании трудов школы, являясь ответственным редактором и одним из авторов трех коллективных монографий: «Социальная траектория реформируемой России» (1999), «Россия, которую мы обретаем» (2003), «Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития» (2008). Своими советами, предложениями и конструктивной критикой она способствовала развитию и процветанию своего детища – Новосибирской экономико-социологической школы.